

ПОЛТАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

1890 года. № 9-й. Май 1.

СЛОВО,

сказанное въ день явленія Козельщанской чудотворной иконы Богоматери, 21 февраля 1890 года.

*Сей день, его же сотвори Господь
возрадуемся и возвеселимся въ оны
(стих. Пасхи).*

Въ этотъ день, возлюбленные, девять лѣтъ назадъ, въ этой мѣстности явилась чудная сила Божія: предъ нашею святынею, предъ симъ чудотворнымъ образомъ Пресвятой Дѣвы Маріи, совершилось первое исцѣленіе больной дѣвыцы, пребывающей и до сего времени въ добромъ здоровьи и благополучіи. Великъ и славенъ день! Великъ и славенъ этотъ день, ибо тогда открылось для всѣхъ вѣрующихъ богатое сокровище благодати Божіей. Великъ и славенъ день этотъ, ибо за нимъ слѣдовали весьма

многіе другіе дни, радостныя для насъ проявленіемъ щедротъ и милости Богоматери, ниспосланныхъ Ею на многихъ вѣршыхъ, предъ симъ образомъ получившихъ исцѣленіе отъ многоразличныхъ недуговъ души и тѣла.

Событіе этого перваго дня, — первое чудо исцѣленія тяжко и безнадежно больной дѣвицы, — обратило сердца и умы людей къ сему благодатному мѣсту, къ нашей великой святынѣ, и многое множество людей возродилось здѣсь духомъ и тѣломъ. Событіе этого, нынѣ свѣтло празднуемаго, дня привело къ сему пречистому и чудному образу многихъ болѣзнующихъ разными болѣзнями, и молитва вѣры предъ живописнымъ образомъ Пренепорочной Матери Христа Спасителя, Пречистой Дѣвы Маріи, по Ея всеильному ходатайству, привлекла къ нимъ неизреченное богатство благодати Божіей, даровавшей многимъ недужнымъ здравіе, скорбящимъ утѣшеніе, — укрѣпившей слабовѣрныхъ въ вѣрѣ, отчаянныхъ въ надеждѣ на неизреченное милосердіе Божіе. Здѣсь, въ семъ св. храмѣ, предъ сею чудотворною иконою, мы видѣли поучительныя примѣры сердечнаго сокрушенія о грѣхахъ, слышали обѣты благодарности милосердому Господу за неизреченныя Его милости. — А сколько такихъ, которые не могутъ прійти сюда, въ сей св. храмъ, и поклониться предъ св. образомъ, но которые мыслію и сердцемъ переносятся чрезъ раздѣляющее ихъ пространство и совершаютъ свои молитвы, надѣясь на милость Богоматери, и которые получаютъ благодать требуемыхъ исцѣленій!!...

Воистину великъ и славенъ, возлюбленные, тотъ первый чудный день, который сегодня воспоминаемъ, ибо онъ положилъ начало столькимъ славнымъ и радостнымъ днямъ для тысячъ людей!

Въ этотъ день, посвященный такимъ свѣтлымъ и радостнымъ воспоминаніямъ, вознесемъ и мы славу и бла-

годареніе Богу отъ лица многихъ тысячъ людей, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества, единодушныхъ въ вѣрѣ и поклоненіи нашей святыни, — сему св. образу Богоматери. Въ свѣтлой молитвѣ благодаренія воспоимъ всѣ неисчислимыя, явленныя Богоматерью предъ симъ чуднымъ образомъ, исцѣленія. Съ глубокою вѣрою и благодарною любовію воспоминавая великія и чудныя знаменія благодати, явленныя у сей св. иконы, помолимся, да сподобить и насъ премилосердый Господь и въ будущемъ неоскудѣвающихъ милостей и щедротъ своихъ и да покрываетъ своею благодатию и всѣхъ тѣхъ, которые съ вѣрою, упованіемъ и сердечною любовію во множествѣ притекаютъ къ цѣльбоносной иконѣ Матери Господней, ищутъ Ея матерней помощи и молитвеннаго ходатайства. — Аминь.

Св. Д. Ч—въ.

СЛОВО

въ великій пятокъ,

произнесенное 30 марта 1890 года въ Полтавскомъ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ при архіерейскомъ служеніи.

Въстѣ, яко васъ ради обнища богатъ сый, да вы нищетою Его обогатитесь. (2 Кор. VIII, 9).

Единородный Сынъ Божій насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сошелъ съ неба и, будучи Богъ, облекся въ слабую плоть человѣческую. Небо престоль Его, земля же подножіе ногъ Его, а Онъ обрекъ Себя

на безиріютную жизнь и лишенія; величію и всемогуществу Его нѣтъ предѣла, а Онъ терпѣлъ оидеваніе, поношеніе и страданіе. Человѣколюбіе Его дошло до крайнихъ границъ, далѣе которыхъ нѣтъ жертвъ: *Онъ по насъ душу Свою положи* (Іоан. III. 16). О, глубина премудрости и любви въ совмѣщеніи богатства и обнищанія!

Любовь привлекла Господа съ неба на землю, съ земли на крестъ, съ креста во гробъ. Любовь Онъ завѣщаль и намъ въ своемъ ученіи и особенно въ предсмертной бесѣдѣ Своей съ учениками. Привикнемъ мыслію и сердцемъ къ этимъ Божественнымъ глаголамъ. Сколько глубочайшихъ тайнъ своего сердца Онъ высказаль въ этой бесѣдѣ! Сколько высочайшихъ обѣтованій дароваль намъ! Сколько сокровищъ завѣщаль! Ничто въ мірѣ не сильно такъ возвыситъ безсмертный духъ человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поразитъ умъ и сердце при страшной картинѣ страданій Господа, какъ эти Божественные глаголы.

За вечерію любви и послѣ вечера, Спаситель міра, утѣшая смущенныхъ учениковъ Своихъ, такъ говорилъ имъ: *Да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога и въ Меня вѣруйте* (Іоан. XIV. 1). *Я есмь путь и истина и жизнь* (— 6). *Я есмь лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода* (Іоан. XV. 5). *Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга. Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою* (Іоан. XIII. 34 и 35). *Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ* (Іоан. XV. 13). *Кто имѣетъ заповѣди Мои и соблюдаетъ ихъ, тотъ любитъ Меня; а кто любитъ Меня, тотъ возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ; и Я возлюблю его, и явлюся ему Самъ* (Іоан. XIV. 21). *Кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ*

слово Мое: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и Мы придемъ къ нему, и обитель у него сотворимъ (Іоан. XIV. 23). Кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдуетъ: и гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ (Іоан. XII 26). Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ (Іоан. XIV. 21). Не оставлю васъ сиротами; прииду къ вамъ (Іоан. XIV. 18). Въ мирѣ будете имѣть скорбь: но мужайтесь; Я побѣдилъ миръ (Іоан. XVI. 33). Если миръ васъ ненавидитъ; знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ (Іоан. XV. 18). Отче! которыхъ Ты далъ Мнѣ, хочу, чтобы тамъ, гдѣ Я, и они были со Мною, да видятъ славу Мою (Іоан XVII. 24). Поминайте слово, которое Я сказалъ вамъ (Іоан. XV. 20). — „О божественнаго, о любезнаго, о сладчайшаго Твоего гласа!“ Ничто не останавливаетъ Твоего неизреченнаго милосердія: ни наша вищета, ни ничтожность, ни наши грѣхожесточеніе! Все препобѣждаетъ любовь Твоя,—и Ты хочешь, чтобы Отецъ Твой любилъ насъ такъ, какъ любить Тебя,—хочешь, да видѣе еси Ты, и мы съ Тобою были, да видимъ славу Твою.—Но какой ужасной казни предаль человѣкъ этого любвеобильнаго Учителя и Господа! Какую злобою отвѣтилъ Ему на Его любовь!

Наступилъ вечеръ четвертка; Спаситель молится въ Геесиманскомъ саду до кроваваго пота; все тихо кругомъ. Но вотъ послышался шумъ; садъ освѣтился факелами и наполнился вооруженными людьми: это пришелъ Іуда съ воинами взять Іисуса. Съ этой ужасной минуты начинаются страсти Христовы. Его грубо схватили, связали, какъ злодѣя, и повели на судъ. И пачался этотъ незаконный судъ.....

Божественнаго Страдальца обвинили въ богохульствѣ и оудили на смерть; пачали поносить Его и ругаться надъ Нимъ плевами на него, били по ланитамъ и, за-

крывъ лице, наносили сильные удары по головѣ, спрашивая съ насмѣшкою: угадай, Христось, кто ударилъ Тебя?..

Утромъ въ пятокъ надъ Божественнымъ Страдальцемъ продолжаютъ издѣваться римскіе воины: срываютъ съ Него обыкновенныя Его одежды и одѣваютъ Его въ багряно-красную хламиду, подобно царской; сплетаютъ вѣнокъ изъ терніа и возлагаютъ на Божественную главу Его, въ правую руку подаютъ трость, подъ видомъ царскаго скиптра, падаютъ предъ Нимъ, какъ бы предъ царемъ, на колѣна и, насмѣхаясь, кричатъ: „радуйся, царю Іудейскій!“, а затѣмъ плюютъ на Него и, выхвативъ у Него трость, беспощадно бьютъ по главѣ. Въ довершеніе всѣхъ мукъ, Ему, распятому уже, и на глазахъ неутѣшно рыдающей Матери, безчеловѣчныя мучители подносятъ для утоленія жажды оцетъ съ желчію смѣшенъ,—самое противное и отвратительное питье, и умершему—прободаютъ копіемъ ребро. Слава страстямъ Твоимъ, слава долготерпѣнію Твоему, Господь и Спаситель нашъ! Кійждо удѣ-святыя Твояе плоти безчестіе претерпѣлъ,—поетъ святая Церковь: терніе—глава, лице—оплеванія, челюсти—заушенія, уста—въ оцѣ растворенную желчь вкусомъ, ушеса—хуленія злочестивая, плещи—біенія, и рука—трость, всего тѣлесе—протяженія на крестѣ, членове—гвоздіа и ребра—копіе“.... (Стих. на хвалит. въ вел. пят.).

И все это нужно было претерпѣть и выстрадать святѣйшему Сыну Божию насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія: *вѣсте, яко васъ ради обнища богатъ сый, да вы нищетою Его обогатитесь*, говоритъ апостоль Павелъ. То, что мы грѣшныя должны были бы понести за грѣхи наши, то выстрадалъ за насъ Христось Спаситель изъ любви къ намъ, къ падшему созданію Своему,

и тѣмъ примирилъ насъ съ Богомъ и избавилъ насъ отъ грѣха, проклятія и смерти. Какое сердце не почувствуетъ тепла и умиленія и сокрушенія во грѣхахъ, видя въ Спасителя своемъ такую чудную, неисповѣдимую, неопишанную благодать и любовь!

Внимая тайнѣ искупленія нашего, пріидите поклонимся и припадемъ твою Христу, облобызаемъ пречистыя язвы Его и возопіемъ къ Нему: *помяни насъ, Господи, егда прідеши во царствіи Твоемъ* (Лук. XXIII. 42). — Аминь

Священникъ *Николай Ураловъ*.

БИБЛОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Южно-русскій штундизмъ. Исслѣдованіе священника Арсенія Рождественскаго. С.-Петербургъ. 1889 года.

№ 295. Цѣна 2 р. (безъ пересылки).

Въ послѣднее время въ нашей періодической печати немало было писано о штундизмѣ. Ни одной изъ существующихъ въ Россіи сектъ не выпадало на долю такого вниманія со стороны свѣтской и духовной литературы, какимъ пользовался и пользуется до послѣдняго времени штундизмъ. Не смотря однако же на это, и до сихъ поръ какъ самое это явленіе въ жизни нашего народа, такъ и многія другія затрогиваемыя при этомъ стороны общественной жизни остаются еще не уясненными въ подлежащей мѣрѣ. Между тѣмъ выяснить и осмыслить это болѣзненное явленіе въ нашемъ народѣ и приступить ко всеобщему и коренному его лѣченію давно уже пасть сильная и безотложная потребность

Въ виду этого, названное выше сочиненіе священника Рождественскаго, имѣющее предметомъ своимъ изслѣдованіе штундизма, является вполне своевременнымъ и заслуживаетъ особаго вниманія, какъ *первый опытъ спеціального научнаго изслѣдованія*, посвященнаго вопросу о штундизмѣ.

Сочиненіе состоитъ изъ введенія, двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ первый распадается на три главы, а второй — на четыре, и заключенія; въ концѣ приложенъ указатель лицъ и мѣстъ, встрѣчающихся въ изслѣдованіи.

Введеніе имѣетъ по преимуществу библіографическій характеръ, такъ какъ здѣсь авторъ даетъ характеристику рукописныхъ данныхъ, бывшихъ у него подъ руками и доставившихъ матеріалъ для изслѣдованія, указываетъ общіе недостатки печатной литературы о штундизмѣ и приводитъ списокъ литературныхъ данныхъ о немъ. Послѣ списка авторъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній объ отдѣльных, наиболее выдающихся, сочиненіяхъ по изученію штундизма, затѣмъ опредѣляетъ задачу своего изслѣдованія, состоящую въ возможно полномъ раскрытіи какъ внѣшней, такъ и внутренней жизни сектантовъ и, наконецъ, указываетъ планъ изслѣдованія.

Въ первомъ отдѣлѣ излагается внѣшняя исторія штундизма. Въ первой главѣ этого отдѣла авторъ рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи штундизма, который, по его мнѣнію, явился самымъ яркимъ выраженіемъ религіознаго броженія, происходившаго въ 50-хъ и 60-хъ годахъ среди русскаго народа. Обращая вниманіе на условія и причины, вызвавшія штундизмъ, авторъ находитъ, что условія, создавшія для него почву, лежали, съ одной стороны, во внутренней жизни православныхъ приходскихъ общинъ: въ религіозномъ невѣжествѣ, недовѣріи къ духовенству и пониженіи нравственнаго уровня, а съ

другой — въ обстоятельствахъ вѣдшихъ, каковы: отмена крѣпостнаго права и слѣдовавшія за ней реформы, которыя подѣйствовали на простонародь самымъ возбуждающимъ образомъ, и затѣмъ волненія, происходившія отчасти въ русскомъ, но главнымъ образомъ въ колонистскомъ (нѣмецкомъ), сектантскомъ мірѣ. Причинами, вызвавшими штундизмъ къ жизни и развитію, служили: распространеніе въ народѣ Св. Писанія на русскомъ языкѣ, искусная пропаганда, развитіе грамотности, матеріальная помощь и, наконецъ, поощреніе со стороны штундистскаго ученія низшимъ сторонамъ человѣческой природы.

Слѣдующія двѣ главы отдѣла излагаютъ самую исторію штундизма, при чемъ эта исторія дѣлится на два періода. Вторая глава обнимаетъ собою первый періодъ отъ начала 60-хъ годовъ, т. е. со времени официального обнаруженія штундизма, до начала 70-хъ годовъ, т. е. до окончательнаго разрыва послѣдователей его съ православною церковью; третья глава изображаетъ состояніе штундизма съ семидесятыхъ годовъ по 1887 г.

Во второмъ отдѣлѣ сочиненія излагается внутренняя исторія штундизма. Заявивъ, что болѣе или менѣе полное изслѣдованіе вопроса объ исторіи ученія штундизма крайне затруднительно по скудости матеріала, и даже невозможно, авторъ въ началѣ первой главы этого отдѣла даетъ краткій очеркъ исторіи ученія штундизма; здѣсь онъ опредѣляетъ степень вліянія на южно-руссовъ идей евангелическаго и реформатскаго вѣроисповѣданій, братствъ „штунде“, бессарабскихъ сектантовъ, баптизма и проч., и затѣмъ излагаетъ самое ученіе штундистовъ отрицательное и положительное. Вторая глава посвящена разбору вѣроученія штундистовъ. Третья имѣетъ своимъ предметомъ богослуженіе штундистовъ. Здѣсь говорится о молитвенныхъ домахъ и ихъ обстановкѣ, объ одеждѣ,

предметахъ и книгахъ, употребляемыхъ при богослуженіи, о мотивахъ религіозныхъ пѣсенъ, о праздникахъ и богослужебныхъ собраніяхъ и проч. Въ четвертой главѣ разсматривается организація штундистскихъ общинъ и бытъ сектантовъ, обязанности пресвитеровъ и діаконовъ, обязанности рядовыхъ членовъ, взаимопомощь, судъ, семья, грамотность, занятія, домашняя обстановка, нравственное состояніе штундистовъ; наконецъ, приводятся факты изъ жизни сектантовъ, характеризующіе нравственную фізіономію какъ вожаковъ ихъ, такъ и рядовыхъ членовъ.

Заключеніе говоритъ о своевременности изслѣдованія штундизма и высказываетъ общія положенія, относящіяся къ вопросамъ о возникновеніи, распространеніи и ученіи штундизма. Положенія эти, представляющія собою въ тоже время и выводы изъ всего изслѣдованія, состоятъ въ слѣдующемъ:

1). Печальныя условія внутренней жизни православныхъ приходскихъ общинъ представляли издавна удобную почву для развитія религіознаго разномыслія. Матеріалъ для внесенія этого разномыслія въ среду народа былъ подъ рукой — въ протестантскихъ возрѣніяхъ, жившихъ между южно-руссами, нѣмецкѣ колонистовъ. Но разномысліе это не обнаруживалось, пока не было благоприятныхъ внѣшнихъ условій: возникновеніе и развитіе его задерживалось внѣшними причинами — вотчиннымъ правомъ, отсутствіемъ свободы. Освободительныя реформы прошлаго царствованія произвели въ народѣ глубокій соціальный переворотъ. Реформы эти разбудили народное сознаніе. Прежній укладъ жизни показался народу неудовлетворительнымъ, его потянуло къ новизнѣ. Съ народомъ случилось тоже, что въ свое время произошло съ высшими слоями русскаго общества: народъ, какъ и обще-

ство, за новыми образцами жизни потянулся къ западу- Образцы эти нашлись подъ рукой: нѣмцы-колонисты шли на встрѣчу южно-руссамъ съ пропагандой протестантизма, и сближеніе послѣднихъ съ первыми произошло на почвѣ религіозной, какъ болѣе извѣстной и дорогой для всякаго простаго народа, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ. *Такимъ образомъ, штундизмъ явился какъ слѣдствіе пропаганды протестантизма, нашедшей себѣ воспріимчивую почву въ печальнычъ условіяхъ религіозной жизни православныхъ приходскихъ общинъ.*

2). Пробужденіе сознанія освободительными реформами прошлаго царствованія совершилось въ средѣ всего русскаго народа; неудовлетворенность стариннымъ складомъ жизни была очень распространена; неблагопріятныя условія религіозной жизни встрѣчались повсюду. Поэтому первые адепты религіознаго разномыслія, появившіеся сперва на югѣ Россіи, гдѣ распространены нѣмецкія колоніи, нашли для себя воспріимчивую почву и въ предѣлахъ великорусскаго племени. Репрессіи и увѣщанія, издавна употреблявшіяся со стороны духовной и свѣтской власти къ подавленію сектантства, въ приложеніи къ штундизму оказались, при коренномъ измѣненіи условій жизни, неэффективными. Мѣропріятія, направленные къ подавленію штундизма, долгое время не получали широкаго объема: они не устраняли тѣхъ неблагопріятныхъ условій религіозной жизни православныхъ приходскихъ общинъ, которыя вызвали появленіе секты. Только съ недавняго времени мѣропріятія эти стали расширяться въ своемъ объемѣ. *Такимъ образомъ, распространеніе секты и трудность противодѣйствія ему объясняются живучестью условій, вызвавшихъ ее на свѣтъ.*

3). По существу своему штундизмъ крайне несостоятеленъ. Штундисты не восприняли полностью ни одного

изъ тѣхъ сектантскихъ ученій, съ которыми они приходили въ соприкосновеніе. Матеріаль для своего ученія они брали преимущественно у бессарабскихъ сектантовъ и у баптистовъ, но связать его сколько нибудь логически они не могли. Въ основѣ догматическаго ученія штундизма положено отрицаніе вѣшной стороны въ дѣлѣ религіи. Проповѣдуя какую-то духовную религію, штундисты имѣютъ въ тоже время и культъ, заимствованный ими у баптистовъ. Какъ бы ни былъ блѣденъ этотъ культъ, все же онъ представляетъ изъ себя нѣчто вѣдшее. *Такимъ образомъ, по существу своему штундизмъ является неудачной попыткой со стороны простаго народа выработать подъ вліяніемъ протестантизма свое особое ученіе.*

4). Нравственное ученіе штундизма тоже несостоятельно. Въ основѣ его лежитъ грубый практицизмъ—мысль сдѣлать земное существованіе его послѣдователей болѣе удобнымъ, чѣмъ оно было прежде. Заповѣди о трудѣ, трезвости, уклоненіи отъ тѣхъ формъ общественной жизни, которыя неудобны для скопленія благъ міра сего, особенно уважаются штундистами. О полномъ же устройствѣ жизни по евангельскимъ заповѣдямъ штундисты мало помышляютъ; широкіе евангельскіе идеалы для нихъ остаются мертвой буквой, стремленія ихъ устроить жизнь по евангелію—праздной мечтой. Не говоря уже о примѣненіи къ жизни такихъ высокихъ христіанскихъ нравственныхъ истинъ, каковы на прим., истина о любви ко врагамъ, о самоотверженіи, сектанты оказались бессильными осуществить въ жизни—заповѣди о цѣломудріи, о неприсвоеніи чужой собственности. Правила сектантовъ, запрещающія употреблять водку, курить табакъ, ѣздить въ воскресные дни на базары и проч., не представляютъ еще изъ себя альфы и омеги христіанской нравственно-

сти. Такимъ образомъ, широта и глубина христіанскихъ нравственныхъ истинъ оказалась недоступною пониманію штундистовъ, вслѣдствіе чего ихъ нравственная доктрина отличается предписаніями узкой морали.

Таково содержаніе разсматриваемаго сочиненія сгященника Рождественскаго. Чтобы имѣть о немъ правильное сужденіе и видѣть его дѣйствительныя достоинства, необходимо поставить его въ связь съ ранѣе появившимися изслѣдованіями о штундизмѣ и сдѣлать краткую характеристику послѣднихъ.

Въ массѣ печатной литературы, посвященной вопросу о штундизмѣ, встрѣчается, съ одной стороны — и по большей части — сырой, взятый изъ первыхъ рукъ матеріалъ, освѣщающій фактъ происхожденія и бытовую сторону того или другаго отдѣльнаго штундистскаго общества; матеріалъ этотъ представляетъ отдѣльные, разрозненные факты, которые часто передаются не точно, съ бросающеюся въ глаза тенденціозностью, часто перемѣшиваются съ бранчивыми разлагольствованіями самихъ корреспондентовъ, отличить отъ которыхъ истину нерѣдко бываетъ очень трудно. Встрѣчаются, съ другой стороны, и попытки научной разработки этого матеріала, имѣющія цѣлью уяснить самый интуитивнѣйшій смыслъ штундизма. Но попытки эти страдаютъ однимъ важнымъ недостаткомъ — отсутствіемъ научнаго метода изслѣдованія, а потому не имѣютъ вполнѣ научнаго характера и не могутъ дать правильнаго представленія о штундизмѣ. Въ изслѣдованіяхъ этого рода можно найти обстоятельныя разсужденія о колонизаціи южно-русскаго края и его этнографическомъ составѣ, о вліяніи нѣмецкихъ колонистовъ на мѣстное православное населеніе, о значеніи реформъ прошлаго царствованія для развитія народнаго сознанія, о невѣжествѣ и бездѣятельности православнаго

духовенства и проч. Признавая въ этихъ и подобныхъ имъ, дѣйствительныхъ или вымышленныхъ, явленіяхъ нашей жизни причины, породившія южно-русское сектанство, изслѣдователи на основаніи ихъ слѣдуютъ установить готовый уголь зрѣнія, подъ которымъ обыкновенно и рассматриваютъ штундизмъ, не справляясь, соответствуютъ ли получаемые такимъ путемъ выводы дѣйствительности, или нѣтъ. Понятно, что при такомъ методѣ изслѣдованія, когда сужденіе объ извѣстномъ явленіи производится на основаніи предполагаемыхъ его факторовъ, когда понятіе о штундизмѣ составляется не на основаніи изученія штундизма, а получается, какъ слѣдствіе, какъ выводъ изъ заранѣе подставленныхъ причинъ, въ результатъ могутъ получиться выводы, вовсе несоответствующіе дѣйствительности, выводы самые разнообразныя и даже противоположныя. Дѣйствительно, въ существующей литературѣ мы встрѣчаемъ противоположныя взгляды и сужденія о штундизмѣ. Такая противоположность особенно замѣтна между литературою свѣтскою и духовною. По изслѣдованіямъ свѣтской литературы штундизмъ представляется явленіемъ свѣтлымъ, симпатичнымъ, сектанты невинно страдающими, вызывающими общественное состраданіе. Духовная печать даетъ иную окраску сектантской жизни. Последняя, смотря на штундизмъ съ церковно-религіозной точки зрѣнія, приходитъ къ заключенію, что происхожденіе и существенныя свойства этой секты объясняются религіозно-правственными причинами; первая же смотритъ на штундизмъ, какъ результатъ общественно-экономическаго строя юго-западной русси, религіозная сторона, по ея миѣнію, только внѣшняя оболочка факта, знамя, подъ которымъ скрываются дѣйствительныя стремленія и чаянія штундистовъ. Поэтому, духовная печать видитъ въ штундизмѣ продуктъ ино-

земнаго протестантскаго вліянія, свѣтская же старается ослабить значеніе нѣмецкаго вліянія на происхожденіе штундизма и видитъ въ немъ явленіе самородное, туземное. Понятно, что подобная противоположность взглядовъ и сужденій, всегда являющаяся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отсутствія научнаго метода изслѣдованія, не только не выяснила дѣла, но скорѣе способствовала затемненію правильнаго представленія о штундизмѣ, такъ какъ наше общество, большею частію не заглядывающее въ духовную журналистику, знакомилось со штундизмомъ по сообщеніямъ органовъ свѣтской печати. Только научное изслѣдованіе, спокойное, безпристрастное, могло бы внести въ общественное соснаніе правильное представленіе о штундизмѣ.

Опытъ такого изслѣдованія и представляетъ собою сочиненіе священника Рождественскаго. Оно имѣетъ *научный* характеръ, и въ этомъ его достоинство и превосходство предъ всѣми, ранѣе являвшимися изслѣдованіями о штундизмѣ. Авторъ путемъ чисто научнаго, спокойнаго, объективнаго изслѣдованія имѣвшагося у него подъ руками матеріала, — изслѣдованія, чуждаго духа вражды, бранчивости, тенденціознаго искаженія фактовъ, приходитъ къ извѣстнымъ выводамъ, которые, представляя собою безпристрастное слово науки, даютъ болѣе или менѣе правильное представленіе о штундизмѣ. Отличаясь научнымъ характеромъ, сочиненіе о Рождественскаго представляетъ изслѣдуемый предметъ въ возможной полнотѣ, и въ этомъ его второе достоинство. Въ появлявшихся ранѣе изслѣдованіяхъ о штундизмѣ, жизнь секты не разсматривалась въ полномъ объемѣ, а только съ какой либо одной стороны, при чемъ спеціальныхъ изслѣдованій о богослуженіи, общественнои устройствѣ и бытѣ сектантовъ вовсе не было. Всполняя подобный

пробѣль въ литературѣ о штундизмѣ, свящ. Рождественскій ставитъ задачею своего изслѣдованія возможно полное раскрытіе какъ внѣшней, такъ и внутренней жизни сектантовъ, и задачу эту выполняетъ довольно удачно, благодаря массѣ имѣвшагося у него подъ руками матеріала. Предпринятое авторомъ изслѣдованіе секты штундистовъ основано на изученіи данныхъ, непосредственно добытыхъ авторомъ на мѣстѣ зарожденія и распространенія секты, въ Херсонской и Кіевской губерніяхъ, чрезъ непосредственное ознакомленіе съ дѣлами мѣстныхъ архивовъ консисторскихъ, миссіонерскихъ обществъ и генераль-губернаторскихъ правленій, также чрезъ личныя бесѣды автора съ главными вожаками штундизма въ мѣстахъ поселенія сектантовъ. Благодаря поѣздкамъ въ первые и главные центры южно-русскаго штундизма, авторъ имѣлъ возможность не только исправить данныя печатной литературы о штундизмѣ, но и дополнить ихъ указаніемъ на массу новаго интереснаго матеріала и такимъ образомъ, согласно своей задачѣ, возможно полно раскрыть жизнь сектантовъ какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны.

Конечно, какъ первый опытъ спеціальнаго научнаго изслѣдованія штундизма, сочиненіе свящ. Рождественскаго не чуждо нѣкоторыхъ пробѣловъ и недостатковъ. Можно не соглашаться съ авторомъ относительно условій и причинъ, вызвавшихъ штундизмъ, такъ какъ и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и распространеніе въ народѣ Св. Писанія на русскомъ языкѣ сами по себѣ не приводили бы въ штундизму, даже при стараніяхъ нѣмцевъ; можно замѣтить, что у автора недостаетъ историческаго освѣщенія тѣхъ условій, при которыхъ стала развиваться штундизмъ, что онъ мало обратилъ вниманія на исторію колонизаціи южной Россіи и не дѣлаетъ строгаго разграниченія между славянскою колонизаціей

Елисаветы Петровны и нѣмецкой — Екатерины II. Можно указать, что сочиненіе, богатое данными для исторіи секты въ двухъ епархіяхъ, Херсонской и Кіевской, не раскрываетъ исторію секты въ другихъ мѣстахъ, что при описаніи почвы, на которой развивалась нѣмецкая пропаганда, не обращено вниманіе на значеніе мѣстныхъ русскихъ сектантовъ — молоканъ, духоборцевъ, хлыстовъ, шалопутовъ, выдѣлившись изъ своей среды значительное число лицъ, переходившихъ въ штунду, что при изложеніи ученія штундистовъ не сдѣлано сравненія этого вѣроученія съ вѣроученіемъ указанныхъ русскихъ сектантовъ и осталось недостаточно выясненнымъ, что у штундистовъ чужое и что свое и проч. *).

Но подобнаго рода недостатки, неизбежныя во всякомъ сочиненіи, представляющемъ первый опытъ спеціальнаго научнаго изслѣдованія, не могутъ препятствовать, къ виду указанныхъ выше достоинствъ, признать сочиненіе свящ. Рождественскаго цѣннымъ вкладомъ въ вашу, небогатую изслѣдованіями сектантства, литературу и рекомендовать его, какъ полезное пособіе для всѣхъ, кому приходится имѣть дѣло съ штундизмомъ. — Написано сочиненіе живо и читается съ большимъ интересомъ.

Складъ изданія у автора: С.-Петербургъ, Гусевъ пер. д. № 8, кв. 36.

*) Замѣчанія эти сдѣланы на диспутѣ, при защитѣ авторомъ означеннаго сочиненія въ качествѣ магистерской диссертации официальными оппонентами профессорами С.-Петербургской Академіи Кояловичемъ и Николаевскимъ. Подробности объ этомъ см. Церков. Вѣст. 1889 г. № 49, стр. 847—49.

Бесѣды о разныхъ истинахъ православной вѣры противъ молоканъ и сродныхъ имъ сектантовъ штундистовъ, баптистовъ и др. — Священника Николая Быстрова. — Пенза. — 1889 г. Цѣна 85 к., съ пересылкою 1 р.

Въ предисловіи къ своему труду авторъ высказываетъ предположеніе, что едва-ли не во всѣхъ противосектантскихъ брошюркахъ и книжкахъ, какъ и вообще при собесѣдованіяхъ съ сектантами, принято, если не исключительно, то большею частью руководиться указаніями св. писанія. Священное же преданіе, выраженное въ писаніяхъ св. отцевъ Церкви и соборныхъ постановленіяхъ, остается какъ бы въ сторонѣ. Это, по мнѣнію о. Быстрова, большая ошибка. Нельзя ли, спрашиваетъ онъ? самое происхожденіе нашихъ сектъ отчасти объяснить именно незнакомствомъ членовъ Православной Церкви съ ученіемъ послѣдней въ подлинныхъ соборныхъ постановленіяхъ и святоотеческихъ твореніяхъ? И съ другой стороны—имѣя въ виду, что священное преданіе восполняетъ и объясняетъ собою священное писаніе, зачѣмъ при собесѣдованіяхъ съ сектантами чуждаться указаній св. преданія? О. Быстровъ считаетъ возможнымъ даже съ достовѣрностью полагать, что ближайшее знакомство съ ученіемъ Православной Церкви при непосредственномъ руководствѣ и указаніяхъ св. преданія скорѣе всего отроетъ глаза заблудившимся и заставитъ ихъ отказаться отъ заблужденій. Руководствуясь такимъ соображеніемъ, онъ прежде всего и рассматриваетъ ученіе о св. преданіи (I отд. 1—9 бес.), чтобы, утвердивъ его значеніе для познанія и правильнаго разумѣнія истинъ вѣры Христовой, тѣмъ самымъ доказать предъ сектантами свое право, а вмѣстѣ и необходимость пользоваться св. преданіемъ наравнѣ съ св. писаніемъ для уясненія, доказательства и

защиты всѣхъ другихъ, изслѣдуемыхъ имъ, истины Православной Церкви, а именно: о почитаніи святыхъ (II отд. 1—6 бес.), о молитвенномъ призваніи святыхъ (III отд. 1—8 бес.), о почитаніи святыхъ мощей (IV отд. 1—11 бес.), объ иконопочитаніи (V отд. 1—8), о Св. Крестѣ и крестномъ знаменіи (VI отд. 1—12 бес.).

Планъ, по которому авторъ бесѣдъ располагаетъ изложеніе, доказательства и защиту Православно-церковнаго ученія, во всѣхъ отдѣлахъ приблизительно таковъ: каждый отдѣлъ начинается указаніемъ содержанія истины, подлежащей разсмотрѣнію, и объясненіемъ того, какъ примѣняется она въ религиозно-нравственной жизни христіанина. Въ слѣдъ за тѣмъ авторъ старается, гдѣ возможно, оправдать истину съ точки зрѣнія здраваго разума и изъ потребностей духовной природы человѣка, послѣ сего приводятся доказательства въ пользу доказываемой истины изъ ветхаго завіта, а также аналогичныя причины, оправывающія Православную Церковь въ принятомъ ею ученіи, установленіяхъ и обрядахъ. Тѣмъ же порядкомъ аргументируется истина и на основаніи новаго завіта. Утвердивъ такимъ образомъ каждую истину на незыблемомъ основаніи Откровенія, авторъ указываетъ ея благотворное воздѣйствіе на нравственную жизнь христіанина и спасительное значеніе въ отношеніи къ загробной участи человѣка. Послѣ этого слѣдуетъ, а иногда и предшествуетъ, историческое оправданіе разсматриваемой истины ученіемъ св. преданія, ученіемъ св. отцовъ и учителей Церкви и сообразными постановленіями. Тѣмъ и окончивается положительное раскрытіе и доказательство каждой истины. За симъ авторъ переходитъ къ защитѣ ея отрицательнымъ путемъ, путемъ тщательнаго разбора возраженій, выставляемыхъ молоканами. И здѣсь онъ придерживается извѣстнаго порядка.

Такъ напр., возраженія молоканъ противъ почитанія святыхъ онъ раздѣляетъ на три группы, смотря по тому, что сектанты приводятъ въ основаніе своихъ возраженій — соображенія разума, или мѣста св. писанія, или указанія св. преданія (старыхъ книгъ, старинныхъ писаній говорятъ молokane) — Сообразно съ указаннымъ порядкомъ онъ и разбираетъ всѣ возраженія по группамъ.

Въ убѣжденіи, что св. преданіе есть весьма важное средство для подтвержденія истины и разъясненія ея, и столь же надежное для огражденія отъ сомнѣній и отъ гнѣва невѣрія, авторъ широко пользуется имъ и вообще всей исторіей Церкви, какъ древней греко-восточной, такъ и русской, сказаніями о жизни святыхъ и чудесахъ ихъ, совершавшихся ими самими во время земной жизни, или по блаженной кончинѣ, и въ послѣднемъ случаѣ невидимыми ли заступничествомъ по силѣ молитвы, обращенной къ нимъ, или чрезъ священныя изображенія и мощи ихъ, при благоговѣйномъ чествованіи сихъ послѣднихъ. И такъ какъ авторъ заботился о томъ, чтобы по возможности для каждой отдѣльной мысли указать освѣщающее ее событіе, то отсюда бесѣды его получаютъ живой убѣдительный характеръ. Этому же способствуетъ простая, краткая, ясная рѣчь автора. Въ тонѣ автора не видно желанія побѣдить противника словопреніемъ; онъ хочетъ убѣждать его въ духѣ христіанской любви, подѣйствовать на нравственное его настроеніе и вызвать сочувствіе къ защищаемой истинѣ. Отсюда онъ не имѣетъ нужды къ заключенію каждой бесѣды писать многословное нравственное назиданіе: оно дается самой бесѣдой, и автору остается сдѣлать только краткій выводъ изъ сказаннаго и соответствующее наставленіе, что онъ и дѣлаетъ иногда въ 2—3 строкахъ.

Принимая во вниманіе указанныя достоинства книги,

можно рекомендовать ее, какъ прекрасное пособіе для вѣббогослужебныхъ собесѣдованій. Она можетъ быть дана для чтенія и простому народу безъ опасенія, что окажется недоступною для его разумѣнія; и если не найдетъ себѣ должнаго приѣма среди сектантовъ, не убѣдитъ ихъ въ ложности ихъ религіозныхъ попятій и не возвратитъ Церкви Православной, то многое можетъ сдѣлать для сохраненія вѣры и утвержденія въ ней тѣхъ, кто принадлежитъ къ Церкви. Но и это — не малая заслуга.

В. Т.

Матеріалы для исторіи Переяславско-Полтавской Семинаріи, за время отъ 1832 — 37 гг.

Возстановить прошлое дорогой намъ Переяславско-Полтавской Семинаріи на основаніи письменныхъ документовъ, сохранившихся въ дѣлахъ архивовъ консисторскаго и семинарскаго, нѣтъ, кажется, никакой возможности. Свѣдѣнія, тамъ сохранившіяся, такъ отрывочны и такъ монотонны, что по нимъ создать представленіе о теченіи семинарскаго жизни, какъ чего-то цѣльнаго, совершенно не мыслимо; при томъ же и *такія* свѣдѣнія не за всѣ годы можно найти. Настоитъ, поэтому, нужда собирателю матеріаловъ для исторіи Переяславско-Полтавской Семинаріи обратиться къ другому источнику — къ живому о ней преданію, и особливо къ разсказамъ современниковъ. Разсказы эти могутъ до *нѣкоторой* степени возмѣстить недостатокъ наличнаго письменнаго матеріала. Правда, разсказы эти — не документальная исторія, претендующая на устойчивость писаннаго слова, — въ нихъ легко страдать могутъ хронологія и лица, равно какъ и субъективная окраска событій современника, —

но какъ *materialъ*, имѣющій еще поступить въ переработку вмѣстѣ съ другими свѣдѣніями и, при ихъ свѣтѣ, быть испытаннымъ, рассказы эти, по нашему мнѣнію, не только не лишніи, но и весьма пригодны. Въ этомъ убѣжденіи мы обратились къ почтеннѣйшему службою и дѣлами благочинному, протоіерею о. Д. П—ву, съ просьбою сообщить намъ свои воспоминанія о семинарскомъ житьѣ-бытьѣ своемъ, и онъ съ готовностью, дѣлающею честь его чувству къ *alma-mater*, прислалъ намъ письмо, содержаніе котораго и передаемъ здѣсь почти буквально: „Съ большимъ удовольствіемъ сообщая свѣдѣнія о семинаріи за время, которое я провелъ въ ней, т. е. съ 1832 по 1837 годъ. Все, что было хорошаго и худого въ то время, и въ настоящее время свѣжо въ моей памяти. Я очень удивился тому, что время 1832—1835 годовъ пропущено въ сказаніяхъ о Переяславско-Полтавской семинаріи. Что за причина? Неужели въ дѣлахъ консисторскаго и семинарскаго архивовъ не сохранилось объ этомъ свѣтломъ времени никакихъ свѣдѣній? Время это поистинѣ было самое радостное и свѣтлое, какъ время поворота къ разумно-дружескимъ отношеніямъ между учениками и ихъ наставниками. Наставниковъ мы, какъ и прежде, называли „профессорами“; но это были уже не тѣ *недотроги*, которыхъ нужно только было бояться и не смѣть вопрошать, благоговѣнно храня молчаніе даже въ самыхъ недоумѣнныхъ случаяхъ; нѣтъ, это были наши наставники, отцы—руководители; мы были ихъ дѣти и стали относиться къ своему дѣлу съ совершенною любовію и расположеніемъ: на приготовленіе даже уроковъ мы стали смотрѣть не какъ на барщину, но какъ на долгъ свой, будучи убѣждены, что профессоръ все дѣлаетъ для нашей пользы. Вы спросите, конечно, что было причиною такого поворота къ лучшему? Отвѣчаю:

появленіе въ Переяславско-Полтавскую Семинарію двухъ профессоровъ-магистровъ Кіевской духовной Академіи — Ореста Марковича Новицкаго и Василя Яковлевича Горуновича. Это были свѣтила, преобразовавшія нашу семинарію. Новицкій читалъ философію, Горуновичъ — математику.

По поступленіи своемъ въ Полтавскую Семинарію въ 1832 году, профессоръ Новицкій обратилъ вниманіе на неразвитость учениковъ и на отчужденность, которая существовала между учениками и профессорами. Онъ началъ призывать къ себѣ на-домъ учениковъ и побратски давать совѣты, что дѣлать, что читать, какъ писать сочиненія; а когда узналъ, что въ семинарской библіотекѣ нѣтъ почти никакихъ для чтенія книгъ, объявилъ ученикамъ своего класса (средняго отдѣленія или, какъ тогда называли, философіи), ученикамъ богословія и низшаго отдѣленія (словесности), что онъ будетъ выписывать необходимыя для чтенія книги, но что для этого нужны средства. И что за чудная сила — любовь и довѣріе, если только учитель сумѣлъ возбудить ихъ къ себѣ въ ученикахъ! Семинаристы, которые раньше и тѣ деньги, что давались имъ на покупку учебниковъ, нерѣдко растрчивали на табакъ, — теперь, возвратившись съ праздниковъ Рождества Христова, привезли на книги не менѣе рубля каждый, а были и такіе, что привозили и по 3 рубля, и это сдѣлали не только послѣ Рождественскихъ, но и послѣ лѣтнихъ вакацій; такъ что къ концу 1833 года составилаь на первый разъ очень порядочная библіотека. Выписывались и періодическія изданія, какъ „Телеграфъ“¹⁾, издававшійся въ Петербургѣ,

---

¹⁾ „Телеграфъ“ — довольно серьезный журналъ, примыкавшій къ Пушкину, основанъ былъ Ник. Полевымъ, но въ 1834 г. прекратилъ свое существованіе за сочувствіе къ прогрессивнымъ стремленіямъ.

и „Телескопъ“¹⁾ въ Москвѣ; выписывались книги и для легкаго чтенія, какъ напр. сочиненія Фаддея Булгарина и друг.

Въ классѣ Новицкій такъ увлекательно читалъ, что мы часто просиживали болѣе получаса послѣ звонка, когда уже нужно было идти на другой урокъ. Инспектору Якову Емельяновичу Беккаревичу, урокъ котораго по греческому языку слѣдовалъ за урокомъ Новицкаго, частенько такъ приходилось посылать за нами, т. е. учениками философскаго класса, чтобы мы шли на его урокъ. Также увлекательно читалъ онъ и психологію и даже не положенную по программѣ космологію: кажется, день цѣлый готовъ бы слушать этого профессора. Сочиненія наши всѣ читалъ и выводилъ на свѣтъ Божій даже такихъ, которые и не думали никогда быть въ первомъ разрядѣ. Такъ, одинъ изъ моихъ товарищей Алекс. Суходольскій былъ почти послѣднимъ въ разрядномъ спискѣ и рѣдко подавалъ сочиненія, въ смиренномъ сознаниі, что эта работа ему не подъ силу. Новицкій, однакожъ, заставилъ его написать хоть „что-нибудь“. Суходольскій написалъ. Новицкій призвалъ его къ себѣ, далъ наставленіе, какъ писать сочиненія, указалъ, чего не достаетъ въ его сочиненіи, подбодрилъ его, и Суходольскій вышелъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ (Суходольскаго нѣтъ въ спискѣ окончившихъ семинарскій курсъ въ 1837 году, равно какъ нѣтъ въ томъ спискѣ Якова Карабиневича, Симеона Кремьяпскаго и Якова Геевского)²⁾. И не одного Суходольскаго вывелъ, какъ говорится, въ люди незабвенный проф. Новицкій. Когда его (Новицкаго)

---

1) „Телескопъ“—первый образчикъ истиннаго журнала съ серьезнымъ направленіемъ, основанъ московск. проф. Надеждинымъ въ 1831 году; существовалъ до 1836 года.

2) См. Епарх. Вѣд. 1889 г. неоффиц. ч., № 19.

перевели въ Кіевскую духовную Академію, то мы—ученики філософіи—просили о Ректора ходатайствовать объ оставленіи его у насъ въ семинаріи, наивно предполагая, что просьба наша будетъ уважена. О. Ректоръ засмѣялся и сказалъ только, что Новицкій—профессоръ не для семинаріи ¹⁾.

Самый вѣжливый въ обращеніи съ учениками и самый простой, Новицкій, однако, ничуть не терялъ въ томъ уваженіи и почтеніи, какое платили къ нему ученики. Всегда чисто одѣтый, какъ на балъ, онъ требовалъ, чтобы и семинаристы одѣвались чисто, и за неряшливость и неаккуратность взыскивалъ такъ же строго, какъ и за незнаніе урока. И этотъ-то профессоръ, это свѣтило и краса семинаріи, сталъ показываться въ обществѣ вмѣстѣ съ семинаристами! Это была цѣлая эпоха цѣлый переворотъ: публика Переяславская первый разъ имѣла возможность видѣть лицомъ къ лицу, что такое семинаристъ, о которомъ прежде имѣла понятіе (по слухамъ), какъ о какомъ-то чудовищѣ, которое бражничаетъ и дерется то съ полицейскими сторожами, то съ откушниками... И семинаристъ—этотъ „дикарь среди людей“—сталъ постепенно свыкаться съ „людьми“, которыхъ допредъ сего представлялъ лишь въ образѣ полицейскихъ, да торговекъ, или жидовъ.. Поднявшись въ собственномъ мнѣніи, сдѣлавшись общительнѣе и гуманнѣе, семинаристы поднялись и во мнѣніи городской публики. И все это, благодаря одному гуманному и про-

---

¹⁾ На каедрѣ філософіи въ Кіевск. дух. Академіи этотъ профессоръ былъ недолго, года полтора, а затѣмъ поступилъ во Владимірскій Университетъ; по и за это короткое время успѣлъ зарекомендовать себя, какъ отличный профессоръ. Разсказываютъ, что покойный Государь Императоръ Александръ II, во время своего высочайшаго путешествія по югу Россіи въ 36 или 37 году,

свѣщенному наставнику! Но недолго семинаріи пришлось быть подъ благодѣтельными обаяніемъ этого наставника: въ половинѣ 1835 года онъ былъ переведенъ въ Кіевскую духовную Академію, на кафедру философіи, а на его мѣсто прислали магистра Сіяльскаго, который впоследствии былъ законоучителемъ Полтавскаго кадетскаго корпуса. Это — профессоръ тоже способный, но далеко уступалъ Новицкому: мы снова начали лѣниться, перестали даже заниматься...

Профессоръ Горуновичъ читалъ математику. Но, замѣтивъ, что мы и подготовлены плохо, и мало имѣемъ охоты учиться математикѣ, ограничился преподаваніемъ физики. За то преподавалъ ее болѣе пространно, чѣмъ прежде, и — главное — внесъ въ преподаваніе этого предмета то, чѣмъ прежде игнорировали, т. е. физическіе опыты. Нѣкоторые приборы онъ нашелъ въ библиотекѣ, другіе выписалъ и, при помощи ихъ показывая опыты съ электричествомъ, гальванизмомъ и др., онъ расшевелилъ въ насъ охоту изучать эту интересную науку.

За время моего пребыванія въ семинаріи, съ 1832—37 г.г., профессорами были въ ней: 1) въ низшемъ отдѣленіи: Константинъ Петровичъ Андриевскій, который намъ читалъ словесность на латинскомъ языкѣ по Бургію, а

былъ, между прочимъ, въ Кіевѣ и удостоилъ своимъ посвященіемъ Университетъ Св. Владиміра. Его сопровождалъ знаменитый Н. В. Жуковскій — его воспитатель. Его Высочеству благоугодно было зайти на урокъ психологіи. Молодцоватый профессоръ, обладающій прекраснымъ даромъ слова, Новицкій такъ сказалъ свою лекцію, что обратилъ особенное вниманіе Его Императорскаго Высочества, и онъ спросилъ: «гдѣ профессоръ получилъ свое образованіе?» Когда ему отвѣтили, что въ здѣшней же духовной Академіи, Высочайшій Посѣтитель замѣтилъ: «такъ зачѣмъ же и посылать молодыхъ людей за границу, когда и въ насъ готовятъ такихъ учителей».

послѣ насъ читаль уже порусски, по запискамъ. Учителемъ исторіи и французскаго языка былъ Павелъ Діонисевичъ Дімидовъ (послѣ смотритель Переяславскаго духовнаго училища). 2) Въ среднемъ отдѣленіи (въ философіи): профессоръ Новицкій и Горуновичъ (потомъ смотритель Роменскаго духовнаго училища). 3) Въ высшемъ отдѣленіи (въ богословіи): Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Мелетій, и Инспекторъ, Яковъ Емельяновичъ Беккаревичъ; первый читаль богословію, а второй—церковную исторію.

Ректоръ Мелетій былъ очень добръ, можно сказать, до слабости. Преподаваніе богословія такъ плохо шло, что плоше, кажется, и нельзя. Зато инспекторъ читаль свой предметъ очень хорошо. При составленіи разрядныхъ списковъ и вообще при выставкѣ отмѣтокъ въ концѣ трети или учебнаго года, бывало такъ: Ректоръ спрашиваетъ: „какъ, Яковъ Емельяновичъ, у васъ такой-то ученикъ?“—У меня онъ хорошъ.—„Ну, если у Якова Емельяновича хорошъ, то и у меня хорошъ“,—завлечитъ о. ректоръ и аттестуетъ его и по своему предмету отмѣткою исторіи. Доброта, или, лучше сказать, слабость о. ректора всѣмъ была извѣстна, и ученики не только перестали заниматься по его предмету, но многіе даже и ходитъ на его урокъ; не то являлись уже въ концѣ урока, и—о. ректоръ за это ни слова.—Одипъ разъ случилось такъ: ученикъ философіи, во время урока, вышелъ изъ класса, вѣроятно, съ вѣдома Новицкаго, такъ какъ у него всё до одинаго ходили на урокъ. Ректоръ изъ класса увидѣлъ и спрашиваетъ: „изъ какого класса пошелъ вонъ ученикъ?“ Ему отвѣчаютъ: изъ философіи. „Вотъ какой безстрашный; и Ореста Марковича не боится: что же выйдетъ изъ этого бродяги?“ ..

Въ 1835 поступилъ ректоромъ семинаріи архимандритъ Антоній (Шокотовъ)—человѣкъ строгій, хорошій преподаватель и администраторъ. Онъ сталъ было *подтягивать* семинарію и, быть можетъ, много успѣлъ бы въ этомъ, еслибы на мѣсто прежняго инспектора, опытнаго администратора Беккаревича ¹⁾, не прислали монаха Ирнарха —молодаго и ничего не понимающаго. Въ высшемъ греческомъ классѣ, когда мы свободно переводили съ греческаго языка на русскій и обратно, онъ вдругъ потребовалъ заpastись словаремъ: „Клявись“ и учить склоненія. Конечно, мы всѣ бросили заниматься. Какъ администраторъ, онъ былъ совсѣмъ плохъ: его строгость и мѣры взысканія никого не страшили и приводили къ убѣжденію, что не все то „страшно, что гремать“. Онъ особенно золь былъ на полицейскихъ; но и тутъ онъ оставался вѣренъ себѣ: грозилъ, не устрашая. „Что эти дураки полицейскіе? обыкновенно говорилъ онъ, когда возникало какое-нибудь дѣло, они не знаютъ ни грамматики, ни правописанія: мы ихъ зацисемъ!“ И вотъ, тамъ, гдѣ прежній инспекторъ бывало самъ переговорить съ городничимъ и накажетъ семинариста какъ за шалость,—возникла дѣлая переписка и дѣла съ полиціею и судомъ. Городничій Крамалѣй отдалъ приказаніе: если въ 9 часовъ (вечера) семинаристъ идетъ по улицѣ, брать его въ полицію. Дѣло о побитіи фонарей и откушеніи полицейскому пальца ²⁾ было такъ (я *лично* присутствовалъ при этомъ): идемъ мы съ имянинь отъ своего товарища Николая Серединскаго. По квартирамъ тихо, спокойно. Вдругъ сторожа, снимавшіе фо-

¹⁾ Онъ уволился и перешелъ въ Каменецъ-Подольскую гимназію учителемъ.

²⁾ См. Епарх. Вѣд. 1889 г. неоффиц. ч., № 19.

нари, закричали: «словить, братьця, семенаристівъ, буде пожива—отъ городничаго выпить!».. А мы, хоть съ имянинъ, по трезвые,—давай бѣжать. Сторожъ, бросивъ фонари, за нами въ погоню. Я съ Серединскимъ ушелъ, Геевского же поймали и держать. Геевскій, видя, что дѣло плохо, хватилъ зубами за палець полицейскаго сторожа, державшаго его за сюртукъ, и тотъ, разумѣется, пустилъ его... Вотъ какъ было въ настоящей правдѣ это происшествіе. По дѣлу же значитъ, что мы побили фонари и десятскихъ сторожей. Вообразите мое положеніе по этому дѣлу. Окончивши курсъ семинаріи, состою уже на приходѣ годъ, какъ получаю повѣстку отъ благочиннаго явиться немедленно въ Полтавское духовное Правленіе для выслушанія, при открытыхъ дверяхъ, дѣла о нанесеніи побоевъ сторожу Переяславской полиціи и за побитіе четырехъ казенныхъ фонарей. Получивши повѣстку, ни живъ, ни мертвъ, отправляюсь въ Полтаву и думаю себѣ: вогъ тебѣ и семинарскія шалости! Но каково же было мое удивленіе, когда мнѣ письмоводитель Правленія, въ присутствіи членовъ Правленія, прочелъ, что я свободенъ совершенно по этому дѣлу; что самъ сторожъ полицейскій жалуется на одного только Геевского. Что же касается Геевского, то это былъ одинъ изъ самыхъ усидчивыхъ, ревностнѣйшихъ учениковъ семинаріи: всегда за книгой, всегда занимается своимъ дѣломъ; рѣдко выходилъ изъ дому и ни на какія шалости бывало его не подведешь. Но такой ужъ несчастливецъ былъ, что какъ только выйдетъ изъ квартиры не въ дозволенное время, какъ тотчасъ же и попадется.

Въ мое время въ семинаріи нашей практиковался такой обычай: семинаристы съ хорошимъ произношеніемъ и голосомъ, двухъ старшихъ классовъ—философскаго и богословскаго—назначались для чтенія въ церкви шесто-

псалмів и каѳизмъ, и предварительно въ Правленіи провѣрялись; служили также вмѣсто пономарей.—Проповѣдничество было поставлено такъ: по вступленіи въ богословскій классъ, всѣ постригались въ стихарь и, по числу семи церквей въ Переяславѣ, назначалось семь проповѣдниковъ,—лучшій при архіерейскомъ служеніи, не то профессоръ или протоіерей, если день былъ высокотожественный; одинъ посылался въ соборъ, а остальные по приходскимъ церквамъ.—При ректорѣ Антоніѣ весьма строго слѣдили, чтобы всѣ семинаристы ходили неопустительно въ церковь; ни за что такъ строго не взыскивалось, какъ за нехождение въ церковь, или за нарушение чего нибудь, что относилось до церковной службы.

Вспоминая свое семинарское житье-бытье, достопамятнѣйшій адресать, уже при личномъ свиданіи, передалъ намъ довольно любопытный эпизодъ изъ жизни семинарской, который (какъ и всякій вообще частный эпизодъ), если и не можетъ войти въ матеріалъ для *общей* характеристики семинаріи того времени, то все же интересенъ, какъ явленіе, имѣвшее мѣсто при несовсѣмъ еще крѣпкой организаціи учебнаго заведенія. Въ числѣ семинаристовъ старшаго (богословскаго) класса 1833—34 г.г. былъ нѣкто Жигмановскій—личность въ высшей степени интересная. Средняго роста, съ черными, какъ уголь, сверкающими глазами, съ черными, какъ смоль, отъ корней завитыми волосами, статный, ловкій силачъ, задумчивый другъ и весельчакъ, мастеръ свѣтъ и поплясать, не глухая, но въ высшей степени эксцентричная, способная на всякія затѣи и шалости, голова,—такоеъ былъ Жигмановскій. Всѣхъ онъ обворожалъ, и всѣ его боялись. Съ этимъ-то Жигмановскимъ преданіе и связываетъ появленіе въ Переяславско-Полтавской Семинаріи *общины* *отъ*

духъ древняго національнаго рыцарства. Натура подвижная, кипучая и потому нѣсколько взбалмошная, Жигмановскій учился недурно; но книжка, видимо, не удовлетворяла его: классная сфера тѣсна, душна; книжка противна; душа просить простора, удали, подвиговъ!.. А Переяславъ и его окрестности полны воспоминаній о разныхъ старинныхъ герояхъ-рыцаряхъ изъ временъ разудалаго козачества... Забила ключемъ горячая кровь, закружилась голова,—Жигмановскій сталъ рыцаремъ: его потянуло вопъ изъ города, въ поле, лѣсъ, на просторъ... но какъ „одинъ въ полѣ не воинъ“, Жигмановскій навербовалъ себѣ душъ 20—30 товарищей—сподвижниковъ и завелъ нѣчто въ родѣ древне-рыцарской общины съ уставомъ, которому всѣ члены общины безпрекословно подчинялись. Въ общину принимали не всякаго и не просто, а по извѣстному какъ бы обряду. Въ Переяславѣ, близь городского кладбища, есть каменный крестъ, видимо давняго времени; кто подъ нимъ поконится, не извѣстно; была надпись на немъ, но стерлась такъ, что нельзя разобрать ни слова. Преданіе же гласитъ, что подъ крестомъ этимъ лежатъ прахъ какого-то войсковаго товарища. Этому-то кресту и судилось сдѣлаться нѣмымъ свидѣтелемъ своеобразнаго товарищества, созданнаго Жигмановскимъ среди семинаристовъ. Въ урочный часъ, когда дозоръ семинарскаго начальства ослабѣвалъ, или, казалось, запыть былъ какимъ-нибудь дѣломъ, Жигмановскій съ новобранцемъ и нѣсколькими товарищами отпавлялись къ помянутому кресту. Тутъ уже стоялъ заранѣе принесенный небольшой столикъ, накрытый чистой скатертью, съ библіей, открытой на томъ мѣстѣ, гдѣ Слово Божіе грозитъ за нарушеніе клятвы, именно кн. Исх, 20 гл. 7 ст., и тутъ же, рядомъ съ библіей, заряженное двухствольное ружье. Тре-

бывалось, чтобы новобранец поклялся, что онъ никому, не смотря ни на что, не выдастъ секрета общины, не измѣнить тѣмъ, кои къ ней принадлежать; будетъ вполнѣ исполнять уставъ общины и проч. Въ заключеніе онъ цѣлуетъ библію и ружье, увѣренный, что и Слово Божіе и ружье разятъ его, въ случаѣ измѣны общинѣ... Такимъ образомъ Жигмановскій организовалъ цѣлую общину душъ въ 20—30, подчинивъ ее строгому уставу. Какая же была цѣль учрежденія этой общины? Отвѣтить на этотъ вопросъ довольно трудно; но все же съ увѣренностью можно сказать, что серьезнаго замысла, какой-нибудь строго-обдуманной, опредѣленной цѣли, ни самъ организаторъ, ни имъ организованная община, не имѣли, да и имѣть не могли: община эта—отзвукъ далекаго прошлаго, былого лыцарства, отдавшійся въ душѣ Жигмановскаго, и съ нимъ же исчезнувшій. Но, съ другой стороны, цѣлью общины этой отнюдь не было желаній надежно оградить для себя посѣщеніе вольной; кутежи не входили въ программу „дѣйствій“: въ уставѣ ея былъ даже особый § о трезвости. Вольную жигмановцы, правда, посѣщали; но посѣщенія эти были рѣдки и имѣли характеръ случайный. Самъ Жигмановскій, сынъ состоятельнаго священника, водки и въ ротъ не бралъ, и, если случалось, что кто нибудь изъ общины позволялъ себѣ „натянуться“ горькой воды, то нерѣдко Жигмановскій пускалъ въ дѣло, въ видѣ отрезвляющей педагогич., свою нагайку. Такимъ образомъ не кутежи на вольной, не бражничанье составляли преобладающую стихію жигмановцевъ, а просто—удаль, подвигъ, молодечество, словомъ „лыцарство“. Вполнѣ разойтись молодой удали можно было лишь внѣ города, гдѣ просторъ, нѣтъ ни инспекціи, ни полиціи, и потому тольк „вольная“ являлась наиболее удобнымъ поприщемъ для жигмановцевъ; но и эти

„прогулки за городъ“ совершались всегда чинно, въ порядкѣ, по извѣстному обряду. Когда затѣвалась прогулка, Жигмановскій впереди себя посылалъ трубача, если только такъ можно назватъ того, который, отвинтивъ ружейный стволъ, дулъ въ него, искусно прилаживая къ отверстию ствола языкъ и губы; получался рѣзкій, непріятный звукъ надтреснувшей трубы, или вѣрнѣе рожка, коимъ пастухъ сзываетъ свое стадо. Звукъ этотъ былъ призывный: заслышавъ его, жигмановцы оставляли свои квартиры и собирались у городского вала, откуда слышался звукъ. По третьему звуку они снимались въ походъ, и выходили за городъ. Веселый видъ имѣла эта молодежь душъ въ 20 или 30: народъ все здоровый, молодецъ къ молодцу, избытокъ силъ такъ и рвется, и просится наружу. А впереди съ нагайкой чрезъ плечо, бравый, чернокудрый атаманъ идетъ спокойно, какъ старый генераль, поступью ровной и важной—и воздухъ наполненъ малороссійскою пѣсней 30 ти грудныхъ могучихъ голосовъ!. Такъ уходили далеко въ поле, верстъ за 5—6 отъ города, наслаждаясь просторомъ полей, вступая между собой въ борьбу, бѣгая взапуски, распѣвая пѣсни и пр. До „пакостей и проказъ“ жигмановцы не были охотники, ибо это—ниже „лицарскаго“ достоинства; но хвастнуть силой, удалью—это ихъ стихія. Но вотъ наступитъ зима, Альта льдомъ возьметса, жигмановцы дадутъ себя знать на „кулачкахъ“: тутъ стоятъ они вмѣстѣ, какъ одна семья, и дерутся крѣпко и дружно, поощряемые примѣромъ своего атамана. Стѣной стоятъ бойцы съ той и другой стороны; шутки, смѣхъ, остроты катятся далеко по льду Альты. Вдругъ, какъ изъ лука стрѣла, выдается Жигмановскій въ средину врага, сбиваетъ съ ногъ отъ краю третьяго или четвертаго (пропустивъ двухъ первыхъ), жигмановцы слѣдомъ за нимъ и—пошла потѣла!

Долго семинарское начальство не знало о существованіи этой общины, и звонить, бывало, да не вѣдомо, гдѣ. Жигмановцы слишкомъ дорожили секретомъ своей общины, да и порядкомъ таки побаивались своего атамана, и потому не выдавали. Помимо устава, у нихъ была даже своя азбука, посредствомъ которой они, въ случаяхъ нужды, переписывались между собой; но азбука та осталась ихъ секретомъ. Какъ ни береглись, однако, жигмановцы, вышло по поговоркѣ: „шила въ мѣшкѣ не утаишь“..... Инспекція ей вѣдомыми путями всеже открыла ихъ существованіе. Инспекторомъ въ ту пору былъ Яковъ Емельяновичъ Беккеревичъ. Призвалъ онъ къ себѣ Жигмановскаго и говоритъ ему: „послушай, братецъ, что это ты тамъ затѣялъ? Какая тамъ завелась у васъ шайка?“ Шайки у меня никакой нѣтъ, отвѣчалъ храбрый атаманъ-лицарь, товарищи же есть; кто они я не скажу, а скажу только, что ихъ много, и что ни одинъ даромъ не выдастъ нашихъ головъ“..... А когда инспекторъ пригрозили исключеніемъ, Жигмановскій проситъ инспектора: „Дайте намъ, Яковъ Емельяновичъ, перебѣситесь; перебѣсимся—все пройдетъ, какъ рукой сниметъ“!,..... Опасаясь, чтобы этотъ народъ чего нибудь въ самомъ дѣлѣ не вздумалъ, инспекція оставила Жигмановскаго жить въ семинаріи, въ упованіи, что Жигмановскому одинъ только годъ до окончанія курса. И дѣйствительно, съ выходомъ Жигмановскаго изъ семинаріи, исчезла и его лицарская община, не смотря на то, что ключи этой общины онъ поручалъ нѣкому Р—му. Самъ же Жигмановскій—этотъ лицарь обворожительный и страшный, способный на все, окончилъ таки полный семинарскій курсъ; но не пошелъ по духовному вѣдомству, а поступилъ на службу гражданскую. Годъ или два спустя, послѣ окончанія курса, онъ проѣздомъ былъ въ Черя-

славѣ, и тутъ, къ прискорбію, долженъ былъ узнать, что его община вызнана и раскассирована, и убѣдиться, что община эта была мыльный пузырь, который лопается, едва выдуютъ его, не оставя слѣда.

И. Поповъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О Б Ъ И З Д А Н І И

„ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ“

ВЪ 1890 ГОДУ.

„Воскресное Чтеніе“ продолжаетъ издаваться и въ текущемъ году. Въ составъ его входятъ статьи слѣдующаго содержанія: Раскрытіе вѣроученія православной Церкви, особенно истинъ, отвергаемыхъ или извращаемыхъ лжеучителями, опроверженіе ихъ возраженій, изъясненіе мѣстъ св. Писанія, особенно тѣхъ, на которыя они ссылаются, а также и сообщеніе свѣдѣній о книгахъ и брошюрахъ, направленныхъ противъ еретиковъ. Вмѣстѣ съ симъ въ журналѣ неопустительно помѣщаются и статьи вообще духовно-назидательныя, не исключая и краткихъ поученій и бесѣдъ объ истинахъ христ. нравственности съ обличеніемъ современныхъ пороковъ, о важнѣйшихъ церковныхъ обрядахъ, о подвигахъ св. угодниковъ Божіихъ и проявленіяхъ благодатной силы Божіей во св. православной Церкви. Сверхъ того при журналѣ издаются и рассылаются подписчикамъ въ видѣ

бесплатнаго приложенія краткіе религіозно-нравственныя листки для чтенія народа.

Цѣна журнала (еженедѣльнаго) съ пересылкой и доставкой 4 р., безъ перес. 3 р. 50 к. Цѣна листка на мѣстѣ 1 к. При выпискѣ не менѣе сотни пересылка на счетъ редакціи. Требованія свои подписчики благоволятъ адресовать такъ: Кіевъ, въ редакцію Воскреснаго Чтенія.

Въ редакціи продаются оставшіеся экземпляры журнала отъ прежнихъ годовъ, начиная съ 1884 года по 2 р съ пересылкою, а также и листки по означенной цѣнѣ.

Редакторъ препод. Кіев. Семинаріи свящ. *І. Богородицкій.*

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ КНИГА:

СБОРНИКЪ НЕОБХОДИМЫХЪ СВѢДѢНІЙ

О КАЖДОМЪ ПРИХОДѢ

И АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ ДУХОВЕНСТВА

ПОЛТАВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Часть 1-я. Полтавскій Учебный Округъ.

**УѢЗДЫ: ПОЛТАВСКІЙ, КОНСТАНТИНОГРАДСКІЙ, КОБЕЛЯКСКІЙ
КРЕМЕНЧУГСКІЙ и ЗЪНЬКОВСКІЙ.**

Въ содержаніе книги вошли свѣдѣнія: о Полтавской губ., Полтавской епархіи и духовной консисторіи; о каждомъ уѣздѣ въ частности съ топографическимъ, географическимъ и геологическимъ описаніемъ cadaго

уѣзда; обширность площади и процентное отношеніе угодій въ каждомъ уѣздѣ; кустарное и преимущественное занятіе жителей въ каждомъ уѣздѣ; число церквей штатныхъ, кладбищенскихъ и приписныхъ; количество ружной земли; населеніе по уѣздамъ вообще и штатнаго духовенства по рангамъ въ частности; число училищъ въ уѣздѣ, съ подраздѣленіемъ ихъ на министерскія, земскія, церковно-приходскія и проч. и вознагражденіе за преподаваніе по уѣздамъ; капиталы церкви и причта.

Въ частности о каждомъ приходѣ: названіе прихода (село, мѣстечко или городъ), церковь каменная, или деревянная и время ея построенія, престолъ, средства церкви; руга, дома для причта, жалованье и доходы причта, наличный составъ штатнаго причта, его служебное, семейное и матеріальное положеніе, лѣта и проч.; училище, рѣка, озеро или прудъ, ярмарки и базары, лавки, заводы, волость, станъ, камера миров. судьи, пунктъ земскаго врача; разстояніе прихода отъ губернскаго и уѣзднаго города, благочиннаго, стана, мирового судьи, врача и волости; почтовая станція простая, или съ выдачею и приѣмомъ денежной и другихъ корреспонденцій; станція желѣзной дороги и въ какомъ разстояніи отъ прихода; число родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ въ годъ по каждому приходу; число жителей мужескаго и женскаго пола и какое преимущественно преобладаетъ въ приходѣ сословіе, въ сколькихъ поселкахъ и въ какомъ разстояніи отъ прихода; алфавитный указатель приходоѡ и причта; мѣстопробываніе благочинныхъ и приходы входящіе въ ихъ составъ; мѣста станovýchъ квартиръ и волости съ селами, подлежащія вѣдѣнію cadaго стана; камеры мировыхъ судьей и

волости входящія въ ихъ рѣіоны; квартиры земскихъ врачей и волости подлежащія ихъ вѣдѣнію и помощи; подробности карты каждаго уѣзда отдѣльно и другія свѣдѣнія.

Судя по содержанию «СБОРНИКА», книга эта должна сдѣлаться настольною и необходимою книгою для духовенства Полтавской епархіи, бесполезна можетъ быть земскимъ управамъ, волостнымъ правленіямъ, судебнымъ и другимъ учрежденіямъ, а также—небезынтересна и всякому мало-мальски любящему свой родной край.

Цѣна „Сборника“ безъ пересылки—80 коп. сер., а съ пересылкою 1 руб. сер.

Адресоваться въ г. Полтаву, въ книжный магазинъ Г. *Богоявленскаго*, на Александровской улицѣ; или къ составителю книги—Священнику Григорію Ив. *Коломенскому*, ст. Искровка Х.-Н. ж. дороги, въ с. Чугово.

КРЕМЕНЧУГСКИЙ КОММЕРЧЕСКИЙ БАНКЪ

ПОЛТАВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ.

Производитъ продажу *закладныхъ съ выигрышами листовъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка* — подлинныхъ, сполна оплаченныхъ, а также временныхъ свидѣтельствъ, выдаетъ подъ нихъ *ссуды въ размѣръ 190 руб. на льготныхъ условіяхъ* (между прочимъ съ постепенными частичными уплатами). — Ближайшій тиражъ будетъ 1-го мая сего года.

СТРАХУЕТЪ ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ I-го и II-го ЗАЙМОВЪ отъ тиража погашенія **ПО 85 КОПѢЕКЪ** за билетъ.

Въ случаѣ выхода въ тиражъ билета, Банкъ обмѣниваетъ немедленно по предъявленію ему квитанціи и билета на другой, не вышедшій въ тиражъ, билетъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:—Слово, сказанное въ день явленія Козельщанской чудотворной иконы Богоматери, 21 февраля 1890 года. Слово въ великій пятокъ, произнесенное 30 марта 1890 года въ Полтавскомъ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ при архіерейскомъ служеніи. Библиографическая замѣтка. — Южно-русскій штундизмъ Изслѣдованіе священника Арсенія Рождественскаго. С -Петербургъ. 1889 года. IV + 295. Цѣна 2 р. (безъ пересылки). Бесѣды о разныхъ истинахъ православной вѣры противъ молокамъ и сродныхъ имъ сектантовъ штундистовъ, баптистовъ и др. — Священника Николая Быстрова. — Пенза. — 1889 г. Цѣна 85 к., съ пересылкою 1 р. — Матеріалы для исторіи Переяславско-Полтавской Семинаріи, за время отъ 1832—37 гг. — Объявленія.

Редакторъ, Инспекторъ Семинаріи *Д. Орловъ*.
Иеч. съ разръ мѣри. Духовной Цензуры 1 мая 1890 г.

Полтава. Типо-Литографія Л. ФРИШБЕРГА.

